

Борис Богатков родился в октябре 1922 г. в семье учителей. За год до войны окончил школу. Работал проходчиком на строительстве метро. Поступил на вечернее отделение литературного института. В августе 1943 г. пал при штурме Гнездиловских высот, поднимая в атаку взвод. Награжден посмертно орденом **Отечественной войны I степени**...
Всей жизни **20 лет и 10 месяцев.**

«Наконец-то»

*Новый чемодан длиной в полметра.
Кружка. Ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас все это,
чтоб явиться по повестке в срок.
Как я ждал ее! И наконец-то,
Вот она, желанная, в руках!..
Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.
Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.
Молодость за все родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!*

Жизнь **Василия Кубанева** была короткой и небогатой внешними событиями. Родился в январе **1931** г. В 6 лет пошел в школу. По окончании 10-го класса работал в острогожской районной газете литературным сотрудником, затем учителем сельской школы.

В августе **1941** г. ушел на фронт, учился на стрелка-радиста; тяжело заболел, и в марте **1942** г. его не стало.

Вся биография укладывается в несколько строк.

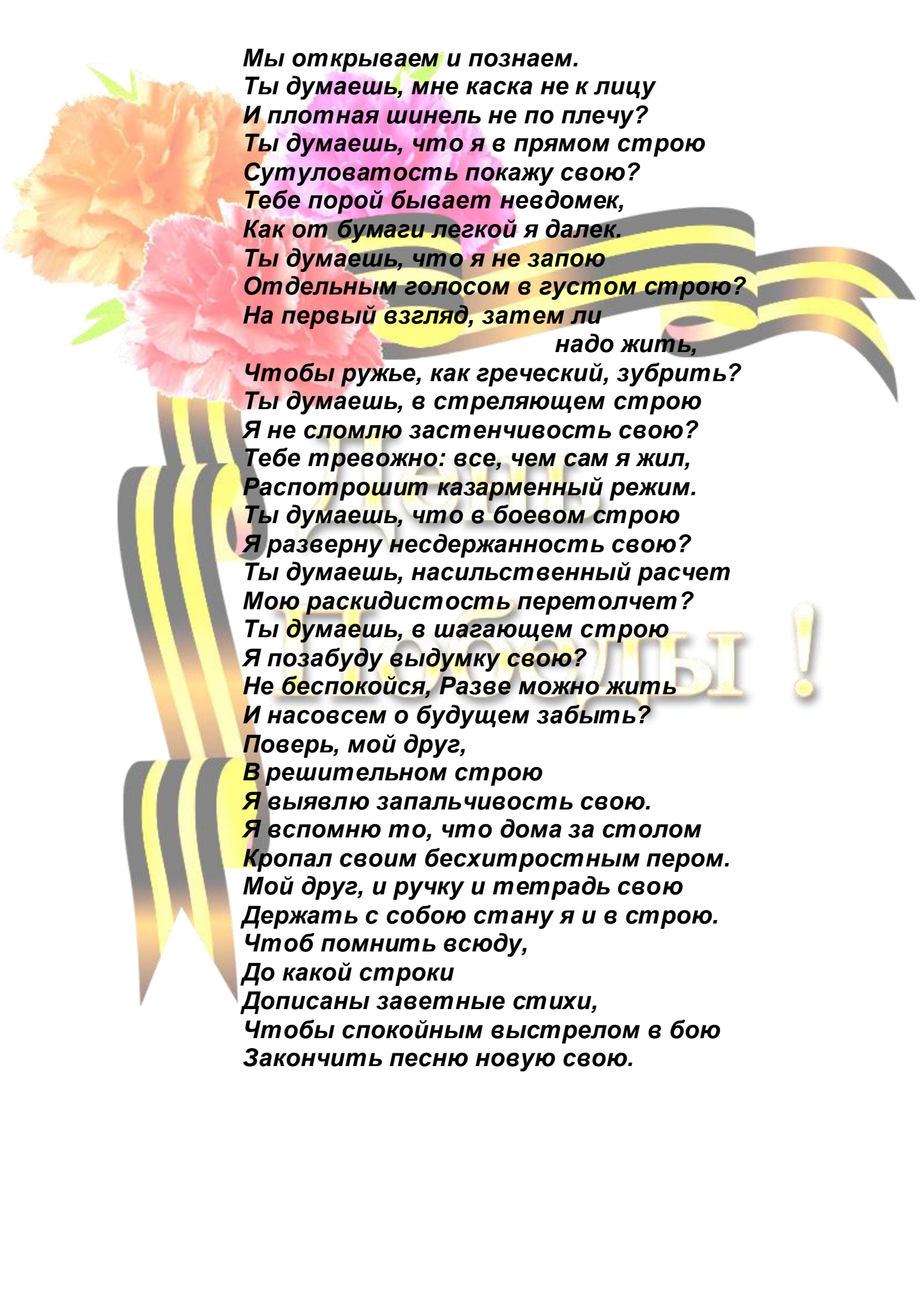
Василий Кубанев принадлежал к числу людей, которые в обычных условиях духовным горением, желанием быть полезным людям, бескорыстием и благородством заслуживают память потомков.

Их жизнь, даже если она рано оборвалась, остается ярким примером чистой совести, гражданского подвига, красиво прожитых лет.

В памяти людей, знавших **Кубанева**, сохранился образ человека беспокойного, жизнерадостного, непоседливого, человека необычайной чистоты. Это подтверждают и его стихи.

***Мы горели, порой забывая о личном,
Потому что величье твое и мое
Лишь в общей победе, лишь в общем
величье***

**Мы открываем и познаем.
Ты думаешь, мне каска не к лицу
И плотная шинель не по плечу?
Ты думаешь, что я в прямом строю
Сутуловатость покажу свою?
Тебе порой бывает невдомек,
Как от бумаги легкой я далек.
Ты думаешь, что я не запою
Отдельным голосом в густом строю?
На первый взгляд, затем ли
 надо жить,
Чтобы ружье, как греческий, зубрить?
Ты думаешь, в стреляющем строю
Я не сломлю застенчивость свою?
Тебе тревожно: все, чем сам я жил,
Распотрошит казарменный режим.
Ты думаешь, что в боевом строю
Я разверну несдержанность свою?
Ты думаешь, насильственный расчет
Мою раскидистость перетолчет?
Ты думаешь, в шагающем строю
Я позабуду выдумку свою?
Не беспокойся, Разве можно жить
И насовсем о будущем забыть?
Поверь, мой друг,
В решительном строю
Я выявлю запальчивость свою.
Я вспомню то, что дома за столом
Кропал своим бесхитростным пером.
Мой друг, и ручку и тетрадь свою
Держать с собою стану я и в строю.
Чтоб помнить всюду,
До какой строки
Дописаны заветные стихи,
Чтобы спокойным выстрелом в бою
Закончить песню новую свою.**

ПОМОЩЬ!

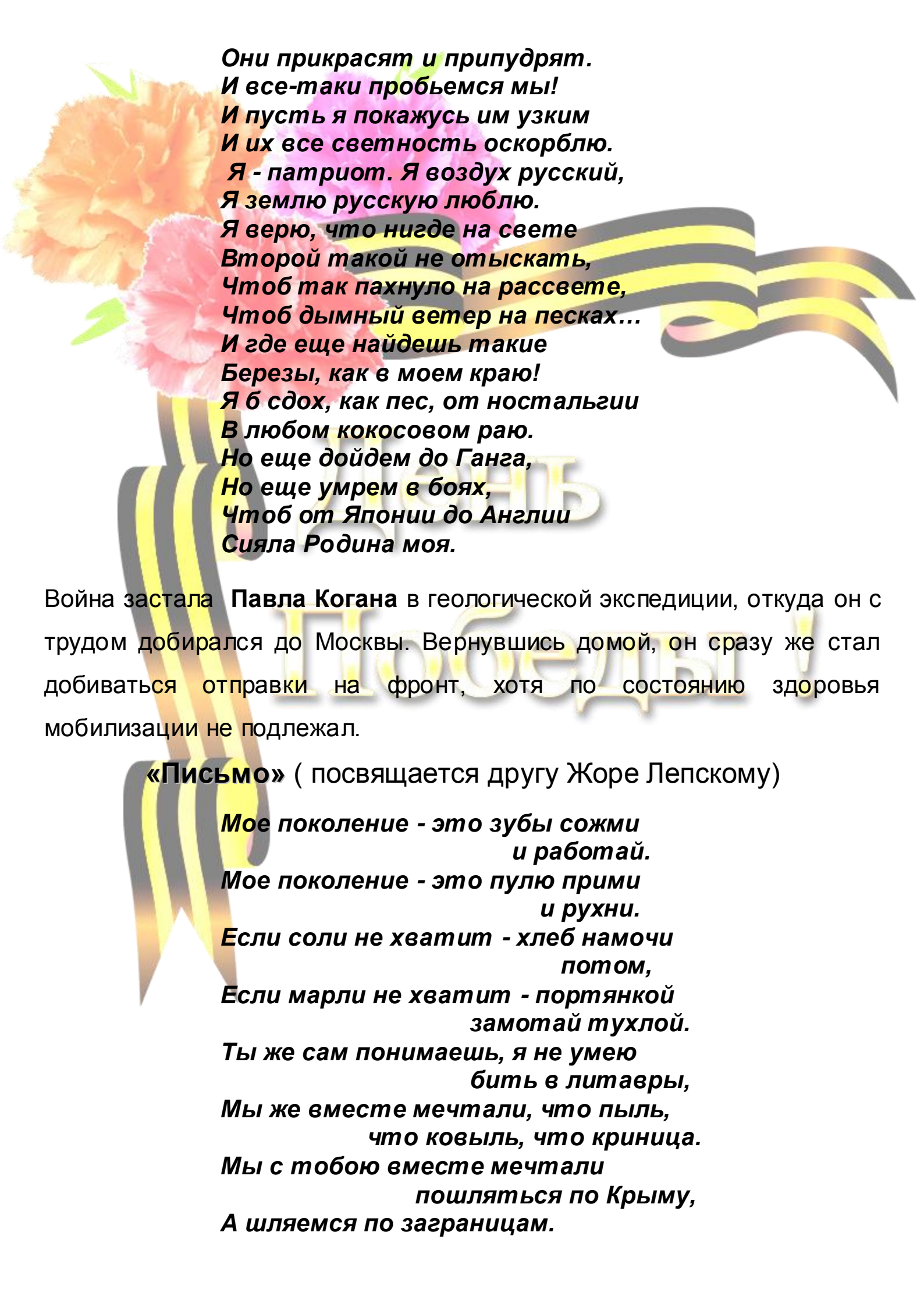
О Павле Когане порой знают лишь как об авторе «Бригантины».

Не все знают, что он написал роман в стихах «Владимир Рогов». В нем Павел пытался сказать о самом главном: о пути поколения 1940-х гг., о военной судьбе, которая ему предстояла. Он не успел осуществить свой замысел. Сохранилось только «Лирическое отступление» из незавершенного романа в стихах «Владимир

Рогов»: **«Есть в наших днях такая точность...».**

*Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова
Косая сажень, твердый шаг
И верную найду основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
о поразительных делах.*

*Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы.*

A decorative background featuring a bouquet of carnations in shades of orange, pink, and red on the left. A yellow and black striped ribbon flows across the middle and right side of the page. The text is overlaid on this background.

**Они украсят и припудрят.
И все-таки пробьемся мы!
И пусть я покажусь им узким
И их все светность оскорблю.
Я - патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но еще дойдем до Ганга,
Но еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.**

Война застала Павла Когана в геологической экспедиции, откуда он с трудом добирался до Москвы. Вернувшись домой, он сразу же стал добиваться отправки на фронт, хотя по состоянию здоровья мобилизации не подлежал.

«Письмо» (посвящается другу Жоре Лепскому)

**Мое поколение - это зубы сожми
и работай.
Мое поколение - это пулю прими
и рухни.
Если соли не хватает - хлеб намочи
потом,
Если марли не хватает - портянкой
замотай тухлой.
Ты же сам понимаешь, я не умею
бить в литавры,
Мы же вместе мечтали, что пыль,
что ковыль, что криница.
Мы с тобой вместе мечтали
пошляться по Крыму,
А шляемся по заграницам.**

*И когда мне скомандует пуля
не торопиться
И последний выход на снегу воронку
выжжет
(Ты должен выжить, я хочу, чтобы
ты выжил),
Ты прости мне тогда, что я не писал
тебе писем.*

*А за нами женщины наши.
И годы наши босые,
И стихи наши,
И январские рассветы,
А леса за нами,
А поля за нами -
Россия! И наверно, земшарная Республика
Советов!*

*Вот и не вышло письма,
Какое там!
Но я напишу,
Повинен.
Ведь я понимаю,
Трубоч «тари-тири-та» трубит:
«по койкам!»
И ветра сухие на Западной Украине.*

Сентябрьской ночью 1942 г. ушел в разведку лейтенант 1339-го горнострелкового полка 318-й дивизии Павел Коган... Он не вернулся из той разведки, он погиб у подножия горы Сахарная Голова близ Новороссийска.

В неглубокой горной щели, рядом с тем местом, где в войну находился медсанбат дивизии, лежит камень с надписью: «Здесь похоронены шесть неизвестных бойцов Советской Армии 1942 года». По рассказам очевидцев, здесь вскоре после войны видели шесть могил. На одной из табличек было написано имя Павла Когана.

Николай Майоров родился в **1919** г. в деревне **Дуровке** бывшей Симбирской губернии. Учился на историческом факультете МГУ и одновременно в Литературном институте имени М. Горького.

На войну ушел добровольцем.

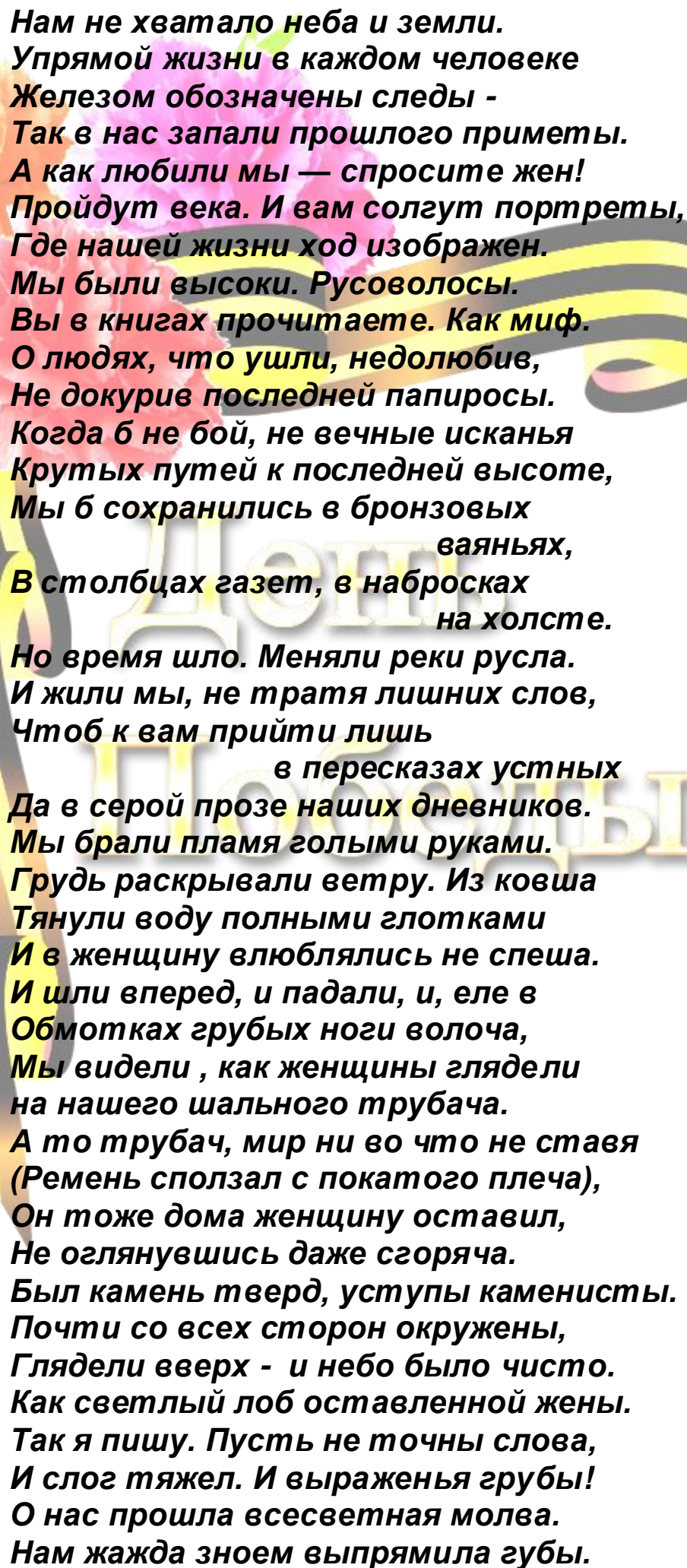
Политрук пулеметной роты, **Николай Майоров** погиб под Смоленском в феврале 1942 г. Посмертно награжден мемориальной медалью Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского.

Н. Майоров. 1940 год.

«Мы»

***Есть в голосе моем звучание металла,
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали
реки.***

The background features a bouquet of carnations in shades of orange, pink, and red on the left. A yellow and black striped ribbon flows from the top right towards the bottom left. The text is centered and written in a bold, black, sans-serif font.

**Нам не хватало неба и земли.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы -
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века. И вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.
Мы были высоки. Русоволосы.
Вы в книгах прочитаете. Как миф.
О людях, что ушли, недолюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых
ваяньях,
В столбцах газет, в набросках
на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь
в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле в
Обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача.
А то трубач, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатоного плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты.
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх - и небо было чисто.
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел. И выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.**

*Мир, как окно, для воздуха распахнут.
Он нами пройден, пройден до конца.
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому навек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!*

Михаил Кульчицкий родился в Харькове в **1919** г. Рано возникла у него любовь к поэзии, стихи ему даже снились. В **16 лет** опубликовал свое первое стихотворение. После окончания школы поступил в Харьковский университет. Через год перевелся на 2-ой курс Литературного института имени М. Горького, где сразу обратил на себя внимание масштабностью таланта, поэтической зрелостью, самостоятельностью мышления.

В **1941** г. ушел в истребительный батальон. В середине декабря **1942** г. окончил пехотно-минометное училище, получил звание младшего лейтенанта.

Михаил Кульчицкий погиб **19 января 1943** г. при отражении прорыва танкового корпуса Манштейна на Сталинград. Имя поэта выбито золотом на 10-м знамени в **Пантеоне Славы в Волгограде**.

«Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!»

*Мечтатель, фантазер,
лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам».
И, зная топографию. Он топает
по гравиию.*

*Война ж совсем не фейерверк,
А просто - трудная работа.*

*Когда -
Черна от пота -*

*Вверх
Скользит по пахоте пехота.
Марш!*

*И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чоботы
Весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.*

Не до ордена.

Была бы Родина

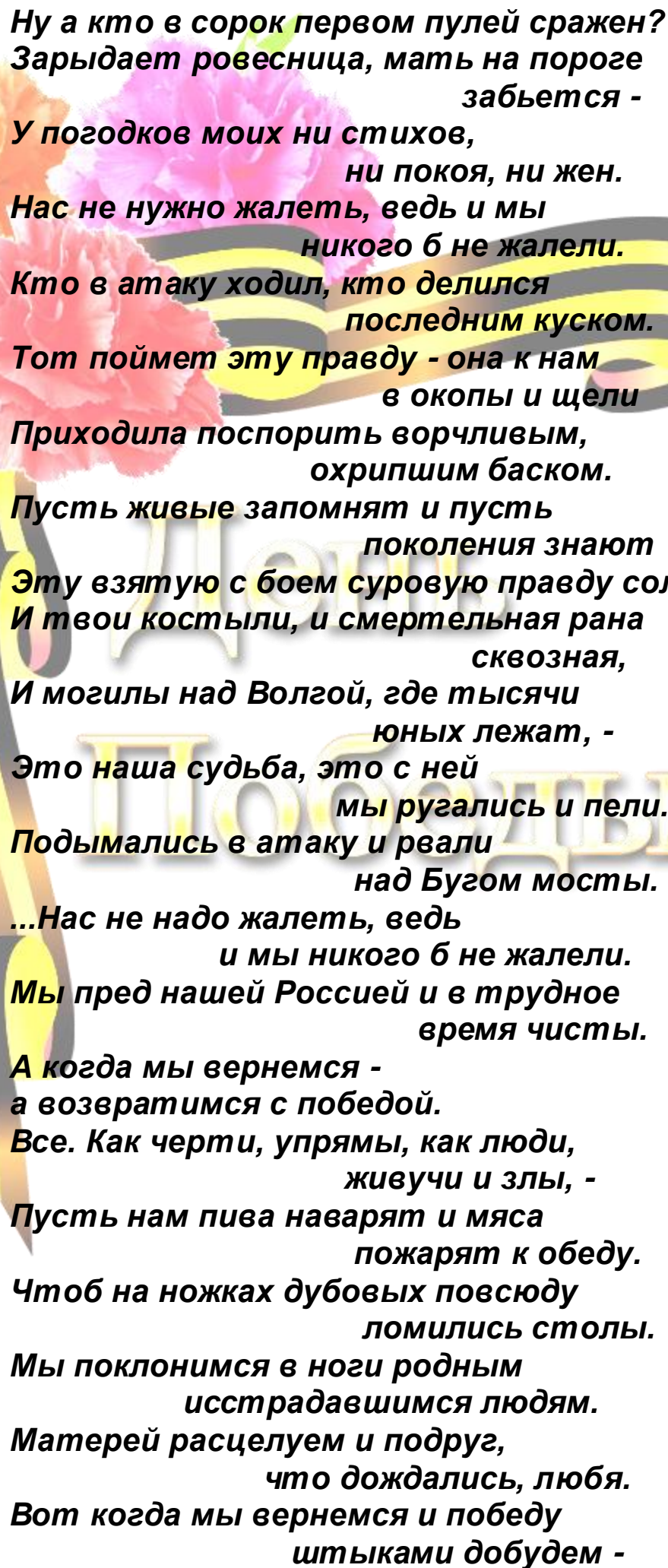
С ежедневными Бородино.

Семен Гудзенко родился в 1922 г. в Киеве. Учился в МИФЛИ - Московском институте философии, литературы и истории. Как поэт сложился в годы Великой Отечественной войны. Поэт-фронтовик прошел всю войну и остался жив. Но она настигла его. Он умер от ран в 1953 г.

«Мое поколение»

**Нам не нужно жалеть, ведь и мы
никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом,
как пред Господом Богом, чисты.
На живых порыжели от крови
и глины шинели.
На могилах у мертвых расцвели
голубые цветы.
Расцвели и опали... Проходит
четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы
молча грустят.
Мы не знали любви, не извели
счастья ремесел,
Нам на долю досталась нелегкая
участь солдат.
У погодков моих нет ни жен,
ни стихов, ни покоя -
Только сила и юность. А когда
возвратимся с войны,
Все долюбим сполна и напишем,
ровесник, такое,
Что отцами-солдатами будут
гордиться сыны.
Ну а кто не вернется?
Кому долюбить не придется?**

The background features a bouquet of carnations in shades of orange, pink, and red, tied with a yellow and black striped ribbon. The text is overlaid on this graphic.

Ну а кто в сорок первом пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге
забьется -
У погодков моих ни стихов,
ни покоя, ни жен.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы
никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился
последним куском.
Тот поймет эту правду - она к нам
в окопы и щели
Приходила поспорить ворчливым,
охрипшим баском.
Пусть живые запомнят и пусть
поколения знают
Эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана
сквозная,
И могилы над Волгой, где тысячи
юных лежат, -
Это наша судьба, это с ней
мы ругались и пели.
Подымались в атаку и рвали
над Бугом мосты.
...Нас не надо жалеть, ведь
и мы никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное
время чисты.
А когда мы вернемся -
а возвратимся с победой.
Все. Как черти, упрямы, как люди,
живучи и злы, -
Пусть нам пива наварят и мяса
пожарят к обеду.
Чтоб на ножках дубовых повсюду
ломались столы.
Мы поклонимся в ноги родным
исстрадавшимся людям.
Матерей расцелуем и подруг,
что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу
штыками добудем -

*Все долюбим, ровесник, и работу
найдем для себя.*

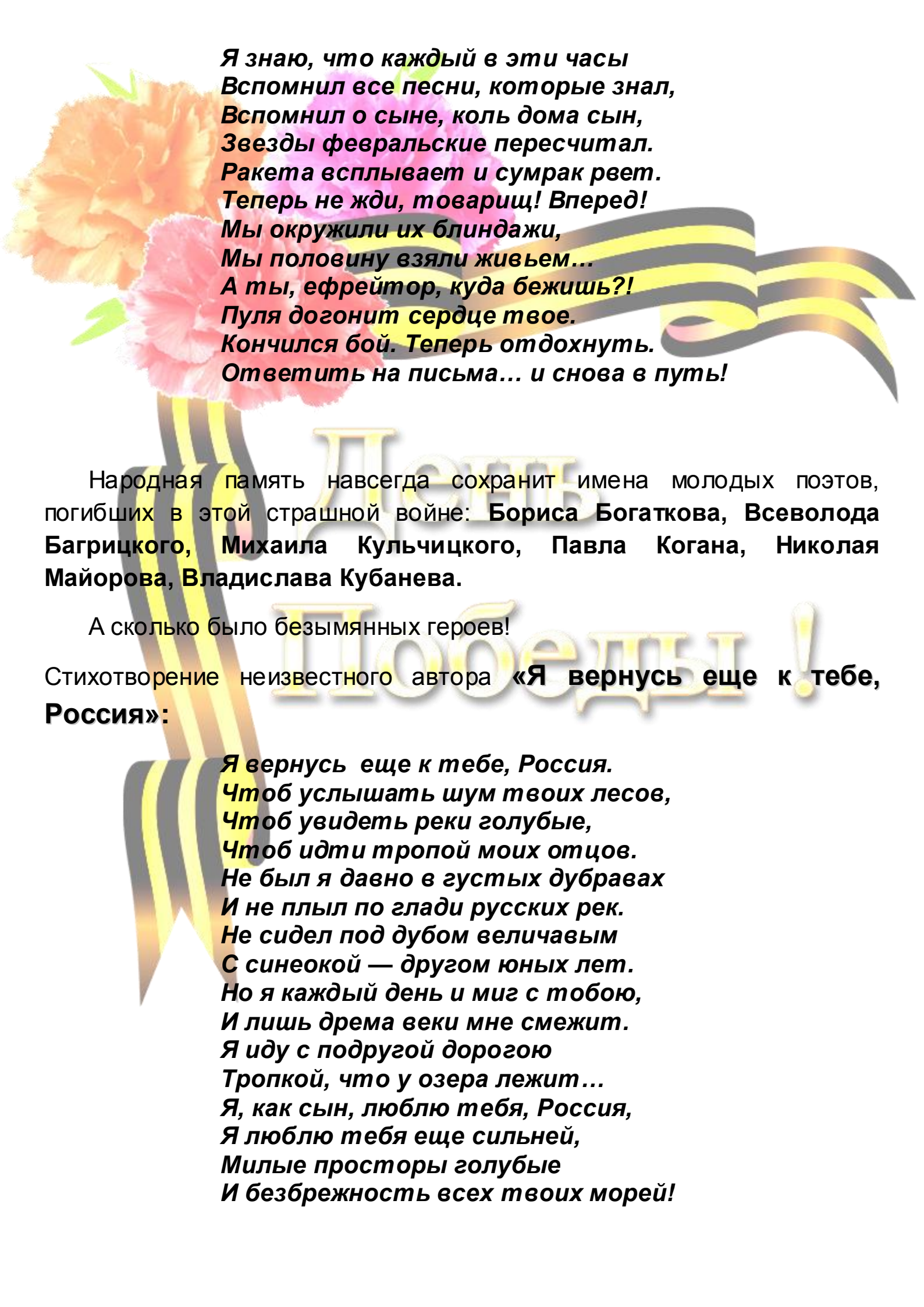
Всеволод Багрицкий - сын поэта Эдуарда Багрицкого и сам поэт. Родился в **1922** г. О начале войны он узнал на берегу моря, где отдыхал. Сразу же выехал в Москву. У него было плохое зрение, но он не мог оставаться в тылу и добился отправки на фронт военным корреспондентом.

Погиб под Ленинградом в **1942** г.

Похоронен на опушке леса на перекрестке двух дорог. На его могиле выбита надпись: «**Воин-поэт Всеволод Багрицкий. Убит 26 февраля 1942 года**».

**День
Победы !**

A decorative background featuring a bouquet of carnations in shades of orange, pink, and red on the left. A stylized ribbon with yellow and black stripes flows across the middle and right side of the page. The text is overlaid on this background.

**Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвет.
Теперь не жди, товарищ! Вперед!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьем...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.
Кончился бой. Теперь отдохнуть.
Ответить на письма... и снова в путь!**

Народная память навсегда сохранит имена молодых поэтов, погибших в этой страшной войне: **Бориса Богаткова, Всеволода Багрицкого, Михаила Кульчицкого, Павла Когана, Николая Майорова, Владислава Кубанева.**

А сколько было безымянных героев!

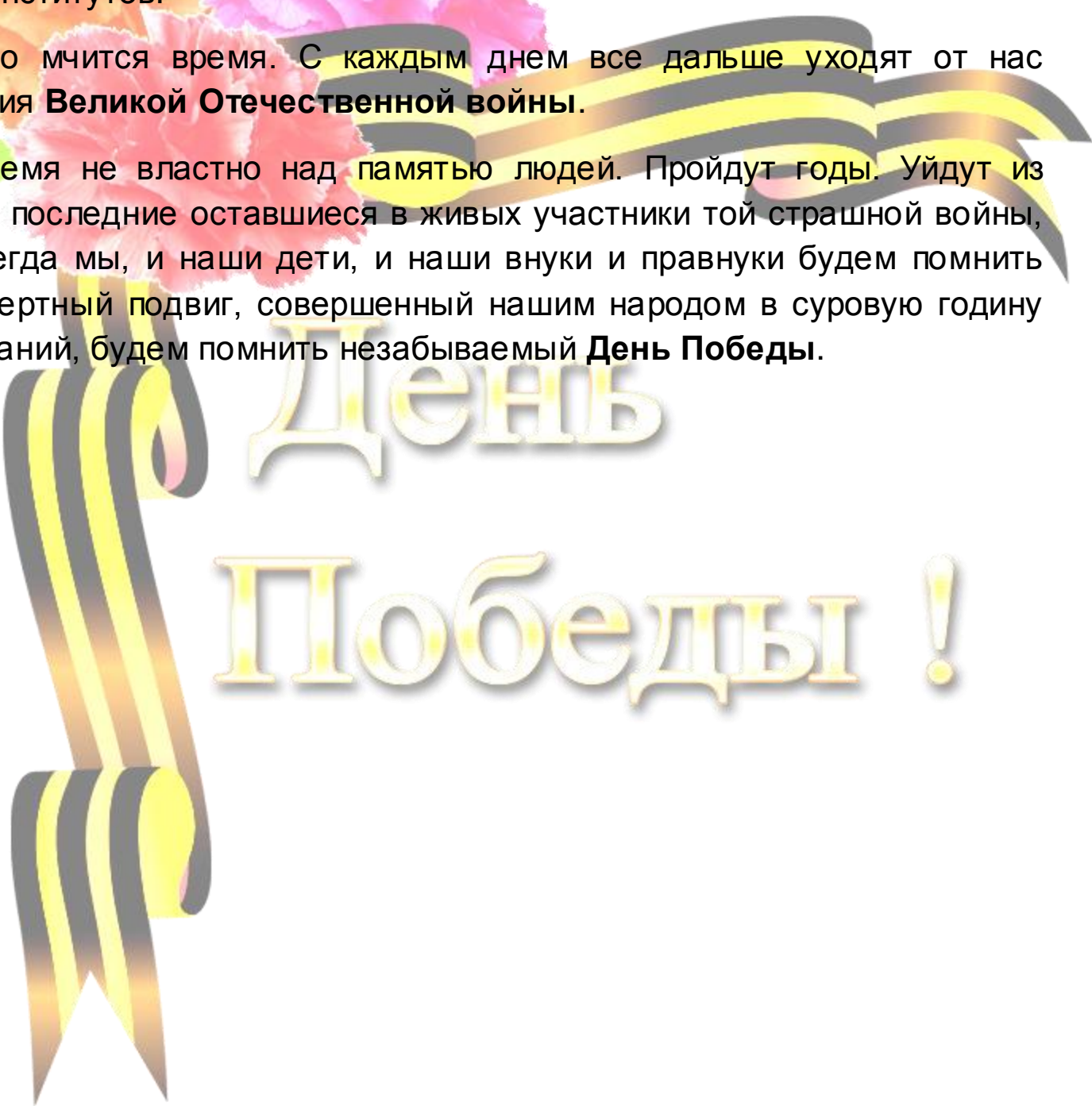
Стихотворение неизвестного автора **«Я вернусь еще к тебе, Россия»:**

**Я вернусь еще к тебе, Россия.
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.
Не был я давно в густых дубравах
И не плыл по глади русских рек.
Не сидел под дубом величавым
С синеокой — другом юных лет.
Но я каждый день и миг с тобою,
И лишь дрема веки мне смежит.
Я иду с подругой дорогою
Тропкой, что у озера лежит...
Я, как сын, люблю тебя, Россия,
Я люблю тебя еще сильнее,
Милые просторы голубые
И безбрежность всех твоих морей!**

Да, они не успели стать большими поэтами. Их стихи приобрели широкую известность, когда авторов уже не было в живых. Но они успели стать солдатами и исполнить свой долг до конца, как и многие их сверстники, шагнувшие в пекло войны из школьных коридоров или стен институтов.

Быстро мчится время. С каждым днем все дальше уходят от нас события **Великой Отечественной войны**.

Но время не властно над памятью людей. Пройдут годы. Уйдут из жизни последние оставшиеся в живых участники той страшной войны, но всегда мы, и наши дети, и наши внуки и правнуки будем помнить бессмертный подвиг, совершенный нашим народом в суровую годину испытаний, будем помнить незабываемый **День Победы**.

**День
Победы !**